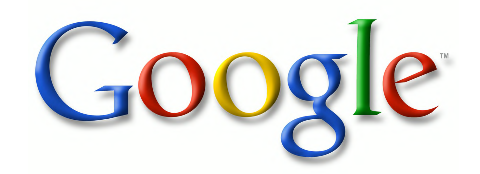
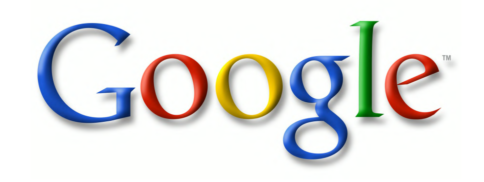
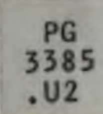

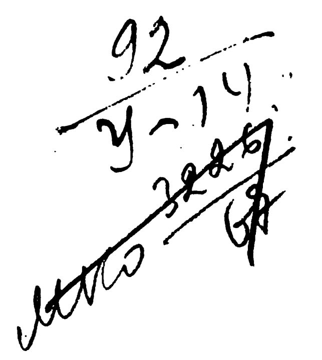

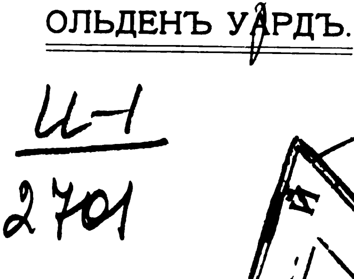

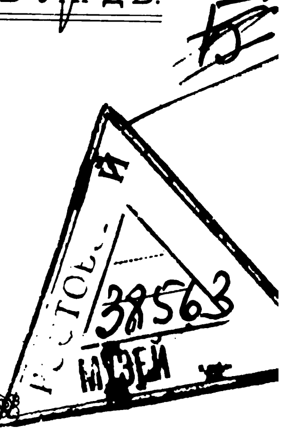
ОЛЬДЕНЪ УАРДЪ.

ЖИЗНЬ Л. Н. ТОЛСТОГО.

КНИГОИЗДАТЕЛЬСТВО
М. С. КОЗМАНА ВЪ ОДЕССѢ.

ОЛЬДЕНЪ УАРДЪ.

ЖИЗНЬ Л. Н. ТОЛСТОГО.

○ КНИГОИЗДАТЕЛЬСТВО ○
М. С. КОЗМАНА ВЪ ОДЕССѢ.

ОДЕССА.
„Коммерческая" тип. Б. Сапожникова, Ришельевская 29.
1903.

Дозволено цензурою. Одесса 13 Февраля 1903 г.

Даже въ нашъ практическій вѣкъ появляются отъ времени до времени лица, понимащія Евангеліе буквально и стремляющіяся устроить свою личную жизнь согласно такому буквальному толкованію. Правда, что они находятся въ безнадежномъ антагонизмѣ съ міромъ и что значительное большинство людей видитъ въ нихъ либо преступниковъ, либо безумцевъ...

Если человѣкъ, рожденный въ бѣдности, выступаетъ съ проповѣдью лишеній, то мы это находимъ вполнѣ естественнымъ; столь же естественно покажется намъ требованіе всеобщаго равенства людей со стороны лица простого происхожденія, и понятно намъ будетъ желаніе посредственнаго таланта увеличить свою извѣстность путемъ проявленія какихъ-нибудь эксцентричностей. Но если человѣкъ, обладающій большимъ богатствомъ, знатнѣйшей родословной и неоспоримо геніальнымъ дарованіемъ, готовъ съ легкимъ сердцемъ отказаться отъ всѣхъ этихъ преимуществъ и поставить себя на одинъ уровень съ бѣднѣйшимъ крестьяниномъ, то предъ нами неизбѣжно возникаютъ вопросы: какая это философія жизни привела его къ такому рѣшенію, путемъ какихъ вліяній создался его идеалъ?

Вѣдь несомнѣнно интереснымъ человѣкомъ является аристократъ, живущій, какъ простой крестьянинъ, богачъ, лишающій лично себя всякой роскоши, знаменитый писатель, отдающій свое время копанію картофеля и починкѣ сапогъ, а не заботитъ о вплетеніи новыхъ лавровъ въ свой вѣнокъ славы. Но когда дѣло

идетъ о Толстомъ, вліяніе котораго чувствуетъ на себѣ весь міръ, то интересъ становится еще понятнѣе, еще сильнѣе.

Дѣйствуя на міръ, Толстой прежде всего оказалъ вліяніе на свою родную страну, и, тотъ, кто желаетъ понимать Россію нашихъ дней, долженъ изучать ее по произведеніямъ Толстого, потому, во первыхъ, что онъ далъ въ нихъ дивную художественную обрисовку всѣхъ сторонъ русской жизни и русскаго характера, и потому, во вторыхъ что нравственный складъ вступающаго въ жизнь поколѣнія носитъ на себѣ громадные слѣды его вліянія. Но вліяніе Толстого не ограничивается одной Россіей. Во всѣхъ странахъ имѣются у него ученики и послѣдователи, а во Франціи изученіе его твореній привело даже къ созданію совершенно новой литературной школы.

Философія жизни Толстого построена на его толкованіи ученія Христа. Признанный величайшимъ изъ нынѣ живущихъ романистовъ всей Европы и даже всего міра, Толстой - художникъ добровольно поступается своею славой въ пользу Толстого-проповѣдникаа. Вмѣсто того, чтобы живописать жизнь для удовольствія и поученія міра, онъ погружается въ размышленіе о томъ, какъ слѣдуеть жить, и заботится о надлежащемъ устройствѣ собственной жизни раньше, чѣмъ выступаетъ наставникомъ другихъ. Любители художественной литературы тщетно ждутъ до сихъ поръ появленія второй «Анны Карениной», — Толстой совершенно отказался отъ всякой мысли о прежней дѣятельности, объявивъ весь связанный съ нею періодъ своей жизни легкомысленнымъ и безплоднымъ.

Читая произведенія Толстого въ томъ порядкѣ, въ какомъ они были написаны, мы имѣемъ возможность прослѣдить по нимъ весь постепенный ходъ созиданія его нынѣшняго образа мыслей, — прослѣдить, стало быть то

постепенное развитіе человѣческой души, которое такъ любилъ изучать Браунингъ. Толстой самъ раскрываетъ предъ нами различные фазисы этого развитія, начиная съ тщеславія и скептицизма юности, переходя затѣмъ къ пессимизму и отчаянію зрѣлыхъ лѣтъ и доходя до той вѣры, которая является въ настоящее время его путеводной звѣздой и утѣшеніемъ. Всѣ творенія великаго писателя проникнуты автобіографическимъ характеромъ. Первая повѣсть Толстого: «Дѣтство, отрочество и юность» представляетъ собою такую же вѣрную автобіографію, какъ «Dichtung und Wahrheit» Гёте. Иртеневъ никто иной, какъ Левъ Толстой. Нѣсколько измѣнены только внѣшнія обстоятельства, но въ общемъ и они вѣрны дѣйствительности: Иртеневъ, напримѣръ, потерялъ мать, будучи двѣнадцатилѣтнимъ мальчикомъ, тогда какъ мать Толстого умерла, когда ему было всего два года. Но что касается внутренней жизни,—всѣхъ мыслей и душевныхъ движеній ребенка, мальчика и юноши,—то они переданы съ такою искренностью, которая удовлетворила бы самого Жанъ-Жака Руссо.

Левъ Толстой родился въ 1828 г. въ Ясной Полянѣ,—имѣніи его отца. Лишившись очень рано родителей, онъ перешелъ на попеченіе родныхъ, придерживавшихся въ дѣлѣ его первоначальнаго воспитанія тѣхъ шаблонныхъ образцовъ, которыми руководятся вообще богатые русскіе семьи. У него былъ гувернеръ-англичанинъ, гувернеръ-нѣмецъ, гувернеръ-французъ; онъ былъ посвященъ во всѣ правила хорошаго тона и обученъ всѣмъ догматамъ и обрядамъ Православной Греческой Церкви.

Ребенкомъ Левъ Толстой отличался необычайной набожностью. У него была привычка отмѣчать въ специальной записной книжкѣ всѣ свои маленькія прегрѣшенія, совершенныя имъ позже послѣдней исповѣди; дѣлалъ онъ это

для того, чтобы принести покаяніе и стараться избѣгать тѣхъ же грѣховъ въ будущемъ. Однажды онъ поднялся съ зарею,—въ три часа утра,—и проскакалъ нѣсколько верстъ, чтобы покаяться священнику въ какомъ то грѣхѣ, который забылъ сообщить тому наканунѣ, во время обычной исповѣди. Облегчивъ такимъ образомъ свою душу, мальчикъ не могъ все-таки воздержаться отъ мысли о томъ, какого хорошаго мнѣнія будетъ о немъ этотъ священникъ, видя его такимъ добросовѣстнымъ даже въ мелочахъ. Точно такъ же не могъ воздержаться Толстой отъ анализа своего чувства скорби послѣ смерти отца. Грусть его была искренняя, но къ ней примѣшивалось чувство самолюбія, желаніе показать, что онъ огорченъ болѣе всѣхъ и забота о томъ впечатлѣніи, какое онъ производитъ на другихъ.

Причиной большихъ страданій въ дѣтской жизни Толстого являлась его внѣшность. У него былъ старшій братъ, выдававшійся замѣчательной красотой, тогда какъ онъ самъ былъ совершенно ею обиженъ. Притомъ же ему было съ ранняго дѣтства внушено, что своимъ наружнымъ видомъ онъ не можетъ вызывать расположенія къ себѣ, а потому долженъ стараться быть хорошимъ и разумнымъ мальчикомъ. И онъ мучительно сознавалъ контрастъ между привлекательной внѣшностью брата и собственной отталкивающей наружностью.

По его собственнымъ словамъ, на него въ то время часто находили порывы отчаянія. Онъ полагалъ тогда, что существо съ такимъ широкимъ носомъ, такими толстыми губами и такими маленькими сѣрыми глазками не можетъ разсчитывать на счастье. И онъ молилъ Бога совершить чудо превратить его въ красавца, и все, что у него было въ настоящемъ и могло быть въ будущемъ, онъ готовъ былъ промѣнять за красивое лицо. Это недовольство своею наружностью сохранилось въ немъ и

тогда, когда онъ сталъ старше. Къ зеркалу онъ подходилъ всегда съ тяжелымъ чувствомъ печали, даже отвращенія. Кромѣ того, что онъ носилъ въ себѣ убѣжденіе въ крайнемъ неизяществѣ своей наружности, ему не являлась на помощь даже то, что служитъ обыкновенно въ данномъ случаѣ утѣшеніемъ для другихъ: онъ не считалъ свое лицо ни выразительнымъ, ни интеллигентнымъ, ни благороднымъ. На оборотъ, Толстой не находилъ въ немъ ни малѣйшей выразительности, а черты его лица казались ему чрезвычайно аляповатыми, ординарными и грубыми; его маленькіе сѣрые глазки глядѣли, по его мнѣнію, скорѣе тупо, чѣмъ умно,—особенно, когда онъ разсматривалъ ихъ въ зеркалѣ. Да и ничего мужественнаго еще не было въ ту пору въ его наружности, хотя онъ былъ не малаго, а скорѣе высокаго для своихъ лѣтъ роста; но всѣ члены его были не сформированы, въ движеніяхъ не было силы. Всей своею внѣшностью онъ не только не походилъ на аристократа, а, наоборотъ, очень напоминалъ простого мужика; и руки, и ноги были у него большія, чисто мужицкія. Все это представлялось ему въ ту пору чрезвычайно постыднымъ.

О строѣ нравственнаго воспитанія Толстого-юноши мы можемъ судить по тому факту, что его тетка наставляла его, когда онъ былъ студентомъ, слѣдующимъ образомъ: „ничто не можетъ быть полезнѣе для молодого человѣка, какъ связь съ замужней женщиной,—это формируетъ его, дѣлаетъ его comme il faut.“ Вотъ это то comme il faut являлось тѣмъ магическимъ словомъ, которое управляло тогда всей его жизнью. Ничто въ мірѣ, казалось ему, не можетъ быть столь желаннымъ и привлекательнымъ, какъ это таинственное качество. Comme il faut представлялось ему неизбѣжнымъ условіемъ преуспѣянія въ мысли, такъ какъ безъ его помощи немыслимы ни счастье, ни слава,

ни какія бы то ни были блага вообще.

Весь родъ людской распадался для него въ ту пору на два разряда: на людей comme il faut и людей не comme ilfaut. Ко второму разряду онъ причислялъ всѣхъ тѣхъ, кто занималъ извѣстное положеніе, но не обладалъ комильфотностью. Что касается простонародья, то оно вовсе для него не существовало. Необходимыми же признаками высшаго качества— comme il faut признавалось слѣдующее: во первыхъ, превосходное французское произношеніе, во вторыхъ, длинные, чистые, отдѣланные ногти, въ третьихъ, умѣнье въ совершенствѣ кланяться, танцовать, вести салонный разговоръ, въ четвертыхъ, —и это было очень важно,— нѣкоторое равнодушіе ко всему, постоянное выраженіе въ лицѣ изящной скуки—ennui. И Толстой тратилъ все свое время на пріобрѣтеніе этихъ качествъ. Цѣлые часы уходили у него на секретное упражненіе въ поклонахъ, разговорахъ, танцахъ, французскомъ прононсѣ, въ культивированій выраженія скучающаго равнодушія; много времени и копотливаго труда посвятилъ онъ, наконецъ, отдѣлкѣ ногтей. Ни къ одному человѣку,—будь то знаменитый артистъ, ученый или великій благотворитель,— онъ не могъ бы относиться съ уваженіемъ, если бы не призналъ его comme il faut.

Самая вредная для Толстого сторона въ этомъ преклоненіи предъ идеаломъ комильфотности заключалась не въ томъ, что онъ тратилъ время на занятіе пустяками, которые отвлекали его отъ серьезныхъ интересовъ, и даже не въ томъ, что девять десятыхъ человѣчества не имѣло въ его глазахъ никакого интереса, такъкакъ ему не было мѣста въ мірѣ этого волшебнаго comme il faut. Главный вредъ заключался въ самомъ отношеніи къ этому качеству, которое могло, по его убѣжденію, вполнѣ наполнить собою цѣлую жизнь человѣка: тотъ, кто достигъ обладанія имъ, не нуждается бо-

лѣе ни въ чемъ другомъ,—онъ пріобрѣлъ вмѣстѣ съ этимъ извѣстное положеніе, онъ исполнилъ свое призваніе и сталъ выше большинства людей.

Нѣкоторый свѣтъ на самообольщеніе убаюкивавшее тогда русское дворянство, бросаетъ признаніе Толстого въ томъ великомъ изумленіи, которое овладѣло имъ при открытіи, что міръ не вращается вокругъ ихъ семьи и что существуетъ иная жизнь, ничего общаго съ ихъ жизнью не имѣющая. „Я крайне удивлялся", говоритъ онъ, „чѣмъ же эти люди могутъ быть заняты, если они на все это не обращаютъ вниманія".

Въ университетѣ Толстого ждалъ новый сюрпризъ: студенты, принадлежавшіе къ различнымъ слоямъ общества, не бывшіе comme il faut, да и не заботившіеся о пріобрѣтеніи этого таинственнаго талисмана, оказались гораздо болѣе знающими, чѣмъ самъ онъ. Всѣ его попытки похвастать предъ ними своимъ музыкальнымъ образованіемъ, знаніемъ языковъ, и литературы ни къ чему не привели: онъ долженъ былъ сознаться, что они ознакомлены со всѣмъ этимъ больше его и нисколько этимъ не гордятся. И тѣмъ не менѣе онъ все же чувствовалъ себя стоящимъ выше ихъ, слѣпленнымъ изъ другой глины. По временамъ онъ самъ себѣ ставилъ вопросы: „Отчего я смотрю на нихъ сверху внизъ? Что можетъ быть тому причиной? Мое знакомство съ княземъ Иваномъ Ивановичемъ? Мое французское произношеніе? Мои дрожки? Или рубашки изъ тонкаго полотна? Мои ногти?" И тутъ въ его душу стало прокрадываться смутное подозрѣніе, что все чѣмъ онъ жилъ, есть безсмыслица. Онъ завидовалъ братскимъ отношеніямъ и беззаботному веселью этой молодежи „не изъ общества". Занятія Толстого въ университетѣ шли плохо. Поступивъ сначала на математическій факультетъ, онъ перешелъ

съ него на медицинскій, оттуда—на юридическій и закончилъ факультетомъ восточнымъ языковъ. Явившись къ экзаменамъ безъ достаточной подготовки, онъ срѣзался и курса не окончилъ.

Оставивъ университетъ, Толстой избралъ военную службу и отправился на Кавказъ. Безпокойная жизнь этого края и его живописная природа нашли себѣ дивное изображеніе въ его „Казакахъ". На Кавказѣ написаны были Толстымъ первыя его произведенія. И въ „Казакахъ", и въ „Дѣтствѣ, отрочествѣ и юности" мы встрѣчаемся съ однимъ и тѣмъ же героемъ—самымъ Львомъ Толстымъ. По объявленіи войны 1853 г. Толстой былъ, согласно собственному желанію, переведенъ въ Крымъ, гдѣ и принималъ участіе въ Севастопольской оборонѣ. Картины этой страшной осады увѣковѣчены имъ въ трехъ замѣчательныхъ очеркахъ. Столь близкое знакомство съ ужасами войны несомнѣнно послужило началомъ тому отвращенію и къ ней, и къ военной славѣ, которое такъ горячо высказывается Толстымъ въ послѣднихъ его его произведеніяхъ.

По окончаніи войны графъ Толстой вышелъ въ отставку и поселился временно въ Петербургѣ, гдѣ познакомился съ Тургеневымъ и другими писателями, которые, по его словамъ встрѣтили его съ распростертыми объятіями, съ лестью и похвалами. Толстой бѣглыми штрихами изображаетъ картину той жизни, которую онъ велъ въ теченіе десяти лѣтъ по выходѣ изъ университета, то была жизнь большинства русскихъ дворянъ того времени. За самимъ Толстымъ успѣла установиться въ его кругу репутація человѣка оригинальнаго, даже чудака.

„Безъ ужаса, омерзѣнія и боли сердечной не могу вспомнить объ этихъ годахъ", говоритъ Толстой. „Я вызывалъ на дуэли, чтобъ убить, проигрывалъ въ карты, проѣдалъ труды

мужиковъ, казнилъ, блудилъ, обманывалъ. Ложь, воровство, любодѣянія всѣхъ родовъ, пьянство, насилія, убійство... не было преступленія, котораго бы я не совершалъ;—и за все это меня хвалили, считали и считаютъ мои сверстники сравнительно нравственнымъ человѣкомъ. Такъ я жилъ десять лѣтъ.

Въ это время я сталъ писать—изъ тщеславія, корыстолюбія и гордости. Въ писаніяхъ своихъ я дѣлалъ то же самое, что и въ жизни. Сколько разъ я ухитрялся скрывать въ писаніяхъ своихъ подъ видомъ равнодушія и даже легкой насмѣшливости тѣ мои стремленія къ добру, которыя составляли смыслъ моей жизни. И я достигалъ этого—меня хвалили.

Міровозрѣніе товарищей - писателей сводилось главнымъ образомъ къ слѣдующему: жизнь есть постепенное развитіе, а главное участіе въ этомъ развитіи принимаютъ они сами,—мыслители и поэты. Ихъ призваніе— поучать родъ людской. Для того же, чтобы избѣжать вопроса: „что я знаю и чему мнѣ учить?“ они утверждали въ своей теоріи, что поэты учатъ безсознательно.

„Я говоритъ Толстой“ считался чудеснымъ художникомъ и поэтомъ, а потому мнѣ естественно было усвоить эту теорію. Я—художникъ, поэтъ—писалъ, училъ—самъ незнаю чему. Мнѣ за это платили деньги,— у меня было прекрасное помѣщеніе, кушанье, женщины,—у меня была слава, общество.

Вѣра эта въ развитіе жизни и въ значеніе поэзіи была вѣра, и я былъ однимъ изъ жрецовъ ея. Быть жрецомъ ея было очень выгодно и пріятно.

Но черезъ два или три года, стала колебаться эта вѣра Толстого въ теорію развитія жизни и въ себя самого, какъ одного изъ верховныхъ ея жрецовъ. Первымъ обстоятельствомъ, подорвавшимъ его вѣру, было то, что великіе пророки не жили въ согласіи между собою

они ссорились, обманывали другъ друга, клеветали одинъ на другого. Второй причиной колебаній Толстого являлись личныя особенности этихъ учителей: то были въ большинствѣ ничтожные, безнравственные люди. Слѣдствіемъ всего этого было то, что ему стало противно человѣчество, что онъ опротивѣлъ самъ себѣ. Но писать и печатать онъ тѣмъ не менѣе продолжалъ, точно также, какъ продолжалъ считать себя мыслителемъ и поэтомъ. И такою, по его собственному опредѣленію, безумной жизнью онъ прожилъ еще шесть лѣтъ.

Вмѣстѣ съ Тургеневымъ побывалъ Толстой въ Италіи и Германіи, гдѣ спеціально знакомился съ воспитательными системами. Результатомъ этого изученія оказался цѣлый рядъ педагогическихъ статей и глубокій интересъ Толстого къ воспитанію и просвѣщенію крестьянъ. Въ Ясной Полянѣ имъ была открыта народная школа, главнымъ преподавателемъ которой состоялъ онъ самъ и въ которой тщательнѣйшимъ образомъ проводились его педагогическія теоріи.

Въ 1862 г. Толстой женился на Софьѣ Андреевнѣ Берсъ, дочери московскаго доктора. Подробности его ухаживанія и сватовства переданы съ буквальной точностью въ „Аннѣ Карениной“ Послѣ свадьбы молодые поселлиись въ Ясной Полянѣ, такъ-какъ городская жизнь была ненавистна графу. Тамъ прожили они безвыходно восемнадцать лѣтъ, ислючая изъ этого времени одну зиму, проведенную ими въ Москвѣ. Читая „Анну Каренину,“ мы имѣемъ полную возможность прослѣдить теченіе ихъ повседневной жизни. Левинъ—никто иной, какъ самъ Толстой, съ его душевной борьбой, сомнѣніями, съ его правдивой простотой и съ его, проводимыми имъ на дѣлѣ, теоріями.

Жена Толстого—тоже необыкновенная личность. Въ теченіе тридцати восьми лѣтъ она вездѣ и повсюду является его помощницей. И

онъ пользовался этой помощью не только при всѣхъ своихъ литературныхъ работахъ, она оказываетъ ему содѣйствіе несравненно болѣе сильное своею непоколебимой въ него вѣрой. Братъ графини говоритъ, что отношенія ея къ мужу можно назвать религіознымъ поклоненіемъ и благочестивымъ охраненіемъ священнаго дара. Ея добровольно возложенныя на себя обязанности нельзя отнести къ числу легкихъ, принимая во вниманіе привычку Толстого къ чрезвычайной небрежности въ работѣ. Ей приходится собирать и приводить въ порядокъ всѣ тѣ клочки бумаги и лоскутки, на которыхъ онъ имѣетъ обыкновеніе писать свои произведенія. Одна она оказывается способной понимать его удивительно неразборчивый почеркъ, разгадывать значеніе наскоро нацарапанныхъ каракуль и фанстастическихъ іероглифовъ и вѣрно возсоздавать по отрывочнымъ словамъ и фразамъ тѣ мысли и идеи, которыя онъ имѣлъ въ виду *). „Война и миръ," этотъ шеститомный романъ, былъ переписанъ ею не менѣе семи разъ до появленія его въ печати. Съ такою же тщательностью были переписаны ею всѣ тѣ произведенія ея супруга, которыя еще не увидали свѣта. И въ то же время эта женщина была матерью тринадцати душъ дѣтей, и всѣхъ она вскормила собственной грудью. Изъ нихъ въ живыхъ осталось девять человѣкъ; старшему теперь тридцать пять лѣтъ, младшему - десять. До десятилѣтняго возраста каждаго ребенка наставницей его была сама мать. По достиженіи десяти лѣтъ къ нему приглашались воспитатели или воспитательницы, которымъ вмѣнялось въ обязанность придерживаться педагогическихъ теорій графа и его супруги

Счастливая семейная жизнь внесла на нѣкоторое время покой во внутренній міръ Толстого, утишивъ въ немъ духъ пытливости и

*) Ея необыкновенная въ этомъ дѣлѣ умѣлость является предметомъ постояннаго удивленія и похвалъ Толстого.

сомнѣнія и заставивъ позабыть о своемъ стремленіи понять жизнь, какъ цѣлое. Его влеченіе къ личному совершенствованію, подавленное раньше вліяніемъ идеи общаго прогресса, замѣнилось теперь стремленіемъ къ обезпеченію счастья и благосостоянія своей семьи. Онъ продолжалъ писать, хотя, по его собственнымъ словамъ, сталъ ужъ и въ то время смотрѣть на творческую литературную дѣятельность, какъ на дѣло недостойное. „Я вкусилъ уже соблазна писательства, соблазна огромнаго денежнаго вознагражденія и рукоплесканій за ничтожный трудъ, и предавался ему, какъ средству къ улучшенію своего матеріальнаго положенія и заглушенію въ душѣ всякихъ вопросовъ о смыслѣ жизни моей и общей“. Произведенія, о которыхъ Толстой такъ презрительно отзывается, это—его геніальные романы: „Война и Миръ“ и „Анна Каренина“.

Въ теченіе пятнадцати лѣтъ прожилъ онъ такимъ образомъ,—оставался въ деревнѣ, воспитывалъ дѣтей, занимался хозяйствомъ, входилъ по возможности въ сношенія съ крестьянами, стараясь вліять на нихъ, просвѣщать ихъ. Но тутъ пробудились въ немъ съ новой силой старыя вопросы и сомнѣнія. Подобно Карлейлю, онъ вопрошалъ самъ себя: „Зачѣмъ я живу? Что такое жизнь? Что будетъ дальше?“ Чтобы быть въ состояніи что нибудь дѣлать, онъ долженъ раньше разрѣшить вопросъ о томъ, что такое жизнь. Онъ не могъ продолжать воспитанія дѣтей, писанія книгъ, не зная, зачѣмъ онъ это дѣлаетъ. Среди размышленій о хозяйственныхъ дѣлахъ и о своемъ состояніи предъ нимъ вдругъ выростали такіе вопросы: „ну, хорошо, у тебя будетъ 6000 десятинъ въ Самарской губерніи, 300 головъ лошадей, а потомъ? „Или“, говоритъ Толстой, разсуждая о томъ, какъ народъ можетъ достигнуть благосостоянія, я вдругъ говорилъ себѣ: а мнѣ что за дѣло?“ Или, думая о той славѣ, которую

пріобрѣтутъ мнѣ мои сочиненія, я говорилъ себѣ: — „ну, хорошо, ты будешь славнѣе Гоголя, Пушкина, Шекспира, Мольера,—всѣхъ писателей въ мірѣ... ну... и... что же? „И я ничего и ничего не могъ отвѣтить.“

„Я не могъ придать никакого разумнаго смысла ни одному поступку, ни всей моей жизни... Не нынче—завтра придутъ болѣзни, смерть на любимыхъ дѣтей (и приходила уже), на меня, и ничего не останется, кромѣ смрада и червей. Дѣла мои—какія бы они ни были—всѣ забудутся,—раньше, позднѣе—да и меня—то не будетъ. Такъ изъ чего же хлопотать?“ Мысли эти довели Толстого до отчаянія. Не смотря на то, что онъ былъ счастливъ въ семейной жизни, богатъ, знаменитъ, имѣлъ любимое дѣло,—его нерѣдко посѣщали мысли о самоубійствѣ. Онъ пересталъ носить оружіе, чтобы не поддаться какъ-нибудь соблазну лишить себя жизни; онъ пряталъ шнурокъ, чтобы не подпасть искушенію повиснуть на немъ.

Ему безпрестанно вспоминалась старинная восточная сказка о путникѣ, на котораго въ пустынѣ напалъ дикій звѣрь. „Спасаясь отъ звѣря, путникъ вскакиваетъ въ безводный колодезь, но на днѣ колодца видитъ дракона, разинувшаго пасть, чтобы пожрать его. И несчастный, не смѣя вылѣзть, чтобы не погибнуть отъ разъяреннаго звѣря, не смѣя и спрыгнуть на дно колодца, чтобы не быть пожраннымъ дракономъ, ухватывается за вѣтки растущаго въ расщелинѣ колодца дикаго куста и держится на немъ. Руки его ослабѣваютъ, и онъ чувствуетъ, что скоро долженъ будетъ отдаться погибели, съ обѣихъ сторонъ ждущей его. Но онъ все держится, и видитъ:—двѣ мыши,—одна черная, другая бѣлая,—равномѣрно обходя ствслину куста, на которомъ онъ виситъ, подтачиваютъ его. Вотъ-вотъ, самъ собою обрушится и оборвется кустъ—и онъ упадетъ въ пасть

къ дракону. Путникъ видитъ это и знаетъ, что онъ неминуемо погибнетъ; но—пока онъ виситъ—онъ ищетъ вокругъ себя и находитъ на листахъ куста капли меда, достаетъ ихъ языкомъ и лижетъ ихъ"... „Такъ", заключаетъ Толстой, „и я держусь за вѣтви жизни, зная, что неминуемо ждетъ драконъ смерти, готовый растерзать меня, и не могу понять за чѣмъ я попалъ на это мученіе."

„И я пытаюсь сосать тотъ медъ, который прежде утѣшалъ меня, но этотъ медъ уже не радуетъ меня, а бѣлая и черная мыши, день и ночь, подтачиваютъ вѣтку, за которую я держусь. Я ясно вижу дракона, и медъ уже не сладокъ мнѣ. Я вижу одно—неизбѣжнаго дракона и мышей,—и не могу отвратить отъ нихъ взоръ".

Тѣ двѣ капли меду, которыя заставили его временно отвести глаза отъ истины, была его семья и его творчество, искуство; но и они уже не казались ему сладкими. Семья,—жена, дѣти,—такіе же люди, какъ онъ самъ, и ихъ, быть можетъ, ждетъ такое же отчаяніе. А искусство? что оно во всей своей сложности предъ лицомъ смерти?

Когда Толстому минуло пятьдесять лѣтъ, онъ нашелъ окончательно невозможнымъ продолжать жизнь, не разрѣшивши слѣдующаго вопроса: „Что выйдетъ изъ того, что я дѣлаю нынче, что буду дѣлать завтра,—что выйдетъ изъ всей моей жизни?... Зачѣмъ мнѣ жить?... Есть-ли въ моей жизни такой смыслъ, который бы не уничтожался неизбѣжной, предстоящей мнѣ, смертью? На этотъ вопросъ онъ искалъ отвѣта въ человѣческомъ знаніи и человѣческой мудрости. Но наука и философія давали одинъ только отвѣтъ: „Не знаю." Онъ обращался со своимъ вопросомъ къ великимъ мудрецамъ прошлыхъ вѣковъ: къ Соломону, Сократу, Буддѣ. „Суета суетъ", говорилъ Соломонъ; „что пользы человѣку отъ всѣхъ тру-

довъ его, которыми трудится онъ подъ солнцемъ? Родъ приходитъ, родъ проходитъ, а земля пребываетъ во вѣки... мудраго не будутъ помнить вѣчно, и, увы, мудрый умираетъ на равнѣ съ глупымъ! И возненавидѣлъ я жизнь, ибо все суета и томленіе духа. И возненавидѣлъ я весь трудъ мой, которымъ трудился я подъ солнцемъ, потому что я долженъ оставить его человѣку, который будетъ послѣ меня. Ибо что будетъ имѣть человѣкъ отъ всего труда своего которымъ онъ трудился подъ солнцемъ? Потому что всѣ дни его—скорби, и его труды—безпокойство; даже и ночью сердце его не знаетъ покоя. И это—суета".

Сократъ говоритъ: „Мы приблизимся къ истинѣ только на столько, на сколько мы удалимся отъ жизни. Къ чему мы, любящіе истину, стремимся въ жизни? Къ тому, чтобы освободиться отъ тѣла и отъ всего зла, вытекающаго изъ тѣла. Если такъ, то какъ же намъ не радоваться, когда смерть приходитъ къ намъ? Мудрецъ всю жизнь ищетъ смерти, и потому —смерть не страшна ему".

Будда говоритъ: „Жизнь, заключая въ себѣ неизбѣжность столькихъ страданій, старости, невозможна, не мы должны стремиться къ уничтоженію жизни, къ уничтоженію самой возможности жить."

Индійскій мудрецъ передаетъ исторію Сакія-Муни, молодого принца, отъ котораго скрывали существованіе болѣзней, старости, смерти. Однажды Сакія-Муни встрѣтилъ во время прогулки безобразнаго на видъ, беззубаго старика и спросилъ, что привело этого человѣка въ такое жалкое и отвратительное состояніе. Узнавши, что это—общая участь всѣхъ людей, которая должна постигнуть и его, онъ приказываетъ отвезти себя домой, чтобы предаться тамъ размышленіямъ по этому поводу. И, вѣроятно, онъ нашелъ себѣ какое—нибудь утѣшеніе, потому что снова веселый и

счастливый, предпринимаетъ прогулку. На этотъ разъ встрѣчаетъ больного: предъ нимъ изможденный, дрожащій человѣкъ съ посинѣвшимъ лицомъ и помутившимися глазами. Сакія - Муни останавливается и спрашиваетъ, что это такое. Узнавши, что это есть болѣзнь, что всѣ люди ей подвержены, что онъ самъ такой молодой и счастливый, можетъ быть завтра ею одержимъ, царевичъ теряетъ охоту къ развлеченіямъ и приказываетъ вернуться домой. Должно быть, онъ снова сумѣлъ успокоить свой духъ, ибо выѣхалъ на прогулку и въ третій разъ; и тутъ встрѣчаетъ его нѣчто новое. Онъ видитъ нѣскольскихъ людей, несущихъ что-то. Что несутъ они? Мертвеца. Что такое мертвецъ? Когда ему отвѣчаютъ на этотъ вопросъ, и онъ узнаетъ, что смерть есть общій удѣлъ всего живущаго, что она ждетъ и его, что и онъ когда—нибудь будетъ погребенъ подъ землею и станетъ достояніемъ червей, и Сакія - Муни приказываетъ повернуть домой и никогда ужъ больше не возвращается къ своимъ прогулкамъ.

Эти странствованія Толстого по полю мудрости не смягчили его отчаянія, а, наобротъ, усилили его. Всѣ мудрецы давали одинъ и тотъже отвѣтъ: все—суета суетъ; несчастливъ тотъ, кто родится на свѣтъ; смерть лучше жизни.

Не нашедши разъясненій въ знаніи, онъ сталъ искать этихъ разъясненій въ самой жизни. И вотъ онъ принимается наблюдать, какъ живутъ люди вокругъ него и какъ относятся они къ этому, столь мучительному для него, вопросу. Результатомъ этихъ наблюденій явилось убѣжденіе Толстого, что для людей его круга существуетъ въ данномъ случаѣ четыре выхода.

Первый выходъ есть выходъ невѣдѣнія. Этотъ выходъ существуетъ большей частью для женщинъ и для очень молодыхъ и очень тупыхъ людей: не умѣя понять вопроса жизни, они не видятъ ни дракона, ни мышей и наслаждаются лизаніемъ меда.

Второй выходъ—это выходъ эпикурейства, сознающаго все зло и безнадежность жизни и все же пользующагося тѣми благами, какія въ ней имѣются, избѣгающаго глядѣть на дракона и мышей и забывающаго о будущемъ.

Третій выходъ есть самоубійство.

Четвертый выходъ—это выходъ слабости: люди, придерживающіеся его, понимаютъ зло и безсмысленность жизни и тѣмъ не менѣе продолжаютъ ее тянуть, умываются, одѣваются, обѣдаютъ, разговариваютъ, даже пишутъ новыя книжки—и покорно носятъ отчаяніе въ душѣ. Къ послѣднему разряду принадлежалъ и самъ Толстой.

И все это время Толстой воображалъ, по его собственнымъ словамъ, будто изучаетъ человѣчество. Ему казалось, что тотъ ограниченный кругъ образованныхъ, богатыхъ и досужихъ людей, къ которому принадлежалъ онъ самъ, составляетъ все человѣчество, тогда какъ милліоны существъ, находящихся внѣ этого круга, не люди даже, а какъ-бы какія-то животныя. Онъ находилъ, что реальна и заслуживаетъ изученія жизнь такихъ лицъ, какъ Соломонъ, Шопенгауэръ, самъ Толстой, а жизнь всего безчисленнаго множества остальныхъ людей недостойна даже вниманія.

Къ счастью Толстого, его инстиктивная любовь къ рабочему люду и склонность къ сельской жизни довели его до сознанія, что нѣсколько тысячъ такихъ людей, какъ онъ самъ, еще не составляютъ всего человѣчества, и что онъ какъ нельзя болѣе далекъ отъ разрѣшенія загадки жизни. Онъ понялъ, что безчисленное множество милліоновъ, составляющее великій міръ человѣчества, имѣетъ свои собственные отвѣты на мучающіе его вопросы. Для нихъ весь смыслъ жизни заключался въ вѣрѣ. Онъ долженъ былъ признать, что внѣ сферы раціональнаго знанія, которое онъ считалъ до того единственно истиннымъ, существуетъ еще зна-

ніе иного рода, ирраціональное, присущее каждому живому человѣку и дающее возможность жить: это знаніе есть вѣра.

Его разумъ могъ не признавать вѣры, но онъ вынужденъ былъ прибѣгнуть къ ней, такъ какъ она одна давала людямъ отвѣтъ на вопросъ о смыслѣ жизни. Обратившись къ вѣрующимъ людямъ своего круга, Толстой замѣтилъ, что жизнь ихъ находится въ полномъ противорѣчіи съ ихъ вѣрованіями. Жили они точно такъ же, какъ и онъ. Такъ же, какъ онъ, боялись они бѣдности, болѣзни, смерти, между тѣмъ какъ ихъ вѣра должна была бы разрушить этотъ страхъ. Тогда онъ принялся изучать жизнь народа, искать сѣмена вѣры среди бѣдныхъ, простыхъ, невѣжественныхъ людей,—среди странниковъ, монаховъ, мужиковъ, И тамъ только нашелъ онъ согласіе между вѣрой и дѣлами.

„Въ противоположность тому, что я видѣлъ въ нашемъ кругу, гдѣ возможна жизнь безъ вѣры и гдѣ изъ тысячи едва-ли одинъ признаетъ себя вѣрующимъ, въ ихъ средѣ едва-ли одинъ невѣрующій на тысячу. Въ противоположность тому, что я видѣлъ въ нашемъ кругу, гдѣ вся жизнь проходитъ въ праздности, потѣхахъ и недовольствѣ жизнью,— я видѣлъ, что вся жизнь этихъ людей проходитъ въ тяжеломъ трудѣ, и они были довольны жизнью. Въ противоположность тому, что люди нашего круга противились и негодовали на судьбу за лишенія и страданія—эти люди принимали болѣзни и горести безъ всякаго недоразумѣнія и противленія, а со спокойной и твердой увѣренностью что все это добро“...

Людей, лишенныхъ всего того, что для Соломона и лицъ, высшаго круга, есть единственное благо жизни и испытывающихъ при этомъ величайшее счастье, оказалось множество... Толстой увидѣлъ, что такихъ понявшихъ смыслъ жизни, умѣющихъ одинаково жить и умирать, не два, не три, не десять человѣкъ, а

сотни, тысячи, милліоны...

Жизнь того круга, къ которому принадлежалъ Толстой,—жизнь людей богатыхъ и ученыхъ, не только стала ему противна, но потеряла въ его глазахъ всякій смыслъ. Всѣ ихъ дѣйствія, разсужденія, науки и искусства стали ему представляться какою-то дѣтской забавой У крестьянъ нашелъ онъ истинное познаніе жизни, и принялъ его.

Послѣ десятилѣтней борьбы и исканій Толстой обрѣлъ, наконецъ, ту истину, которая открывается всѣмъ пророкамъ, ту истину, которая была превозглашена Фаустомъ: жизнь есть самоотреченіе; единственная моральная схема, примиряющая насъ съ существованіемъ, требуетъ не заботы о личномъ благѣ, а любви къ ближнимъ. Такимъ образомъ, мы имѣемъ возможность прослѣдить тотъ путь, по которому Толстой дошелъ до нынѣшнихъ своихъ воззрѣній. Началъ онъ съ признанія исключительнаго развитія своего я, своей индивидуальности. Въ жизненной практикѣ этотъ принципъ привелъ его къ борьбѣ, насилію, ненависти. И вотъ онъ кончаетъ принципомъ абсолютнаго пожертвованія своимъ *я*, который привелъ его въ практической жизни къ самоотреченію, благородству и любви. „И такъ, говоритъ Толстой, сила жизни возобновилась во мнѣ, и я опять началъ жить"...

Произведенія Толстого носятъ на себѣ яркіе слѣды всѣхъ тѣхъ фазисовъ духовнаго развитія автора, которые приводили отъ одной крайности къ другой. Причиной, по которой онъ такъ долго и тщетно добивался отвѣта на вопросъ о смыслѣ жизни, было то, что онъ ошибочно видѣлъ въ собственной жизни типъ человѣческой жизни вообще. . „...я спросилъ себя: что такое жизнь? говоритъ онъ, и получилъ отвѣтъ —зло и безмыслица. И точно, моя жизнь — жизнь потворства и похоти — была безсмысленна и зла, и потому отвѣтъ: жизнь—-зло и безсмыслица

относится только къ моей жизни, а не къ жизни людской вообще.

Признавъ вѣру своимъ путеводителемъ, Толстой обратился къ примѣненію своихъ религіозныхъ убѣжденій въ практической жизни, и способъ этого примѣненія былъ таковъ, что произвелъ потрясающее впечатлѣніе на весь міръ. Онъ не допускаетъ возможности внести какія-нибудь новшества въ ученіе Христа примѣнительно къ требованіямъ современной цивилизаціи и настаиваетъ на буквальномъ слѣдованіи. Его заповѣдямъ: „Если врагъ твой ударитъ тебя по ланитѣ, подставь ему другую"... „Не противься злу"... „Продай свое имущество и роздай его бѣднымъ"...

Въ одномъ отношеніи Левъ Толстой остается неудовлетвореннымъ: его семья рѣшительно воспротивилась желанію графа раздать все состояніе, чтобы уподобиться неимущимъ. Онъ съ радостью готовъ былъ буквально послѣдовать евангельскому завѣту: „Продай все и раздай бѣднымъ", но его семья на это не согласилась, а заставить ее онъ не можетъ. Если бы ему была представлена свобода исполнить свою волю, онъ бы отдалъ принадлежащія ему земли, отдалъ бы свои произведенія,—все, что у него есть. Но, будучи вынужденъ оставаться собственникомъ своего родового имѣнія, онъ не принимаетъ никакого участія въ веденіи хозяйства и является какъ бы только гостемъ въ домѣ своей супруги. Въ пищу онъ употребляетъ самыя простыя кушанья, платье носитъ крестьянское и исполняетъ всякаго рода работы. Онъ не позволяетъ никому прислуживать себѣ, дѣлая для себя все самъ и самъ убирая свою комнату. Нѣкоторыя изъ дѣтей Толстого раздѣляютъ взгляды отца, другія—нѣтъ; оказывать давленіе на волю послѣднихъ онъ и не пытается. Онъ и сапоги шьетъ, и землю пашетъ, и коситъ. Если какой—нибудь бѣднякъ приходитъ попросить дровецъ, графъ беретъ свой топоръ и самъ

отправляется съ нимъ въ лѣсъ.

Не было случая, чтобы кто-нибудь изъ приходящихъ къ нему просить ушелъ съ пустыми руками.

Въ послѣдніе годы Толстой отказался отъ художественной литературной дѣятельности; возвращается онъ къ беллетристикѣ только въ исключительныхъ случаяхъ,—когда имѣетъ въ виду распространить при ея помощи какую-нибудь доктрину: съ такою цѣлью были созданы „Смерть Ивана Ильича" и „Хозяинъ и работникъ". „Хозяинъ и работникъ" художественно воплощаетъ собою ту истину, которою переполнена теперь вся жизнь Толстого,—истину братской любви среди людей: счастье есть исключительное достояніе тѣхъ, кто живетъ для другихъ.

Въ своемъ послѣднемъ романѣ: „Воскресеніе" Толстой тоже выступаетъ проповѣдникомъ, воплощая свое ученіе въ форму живыхъ образовъ и вымысла. „Воскресеніе" есть исторія пробужденія къ жизни двухъ мертвыхъ душъ. Основнымъ положеніемъ автора является тутъ убѣжденіе его въ отвѣтственности человѣка за всякую душу, вовлеченную имъ въ грѣхъ. Нехлюдовъ, герой романа, неожиданно сталкивается лицомъ къ лицу съ женщиной, которая нѣсколько лѣтъ тому назадъ была имъ соблазнена и брошена. Благодаря этому первому своему несчастію, она постепенно, шагъ за шагомъ, спускается все ниже и ниже доходитъ, наконецъ, до крайней степени позора и паденія, причемъ въ ней замираетъ всякая женственность. А въ Нехлюдовѣ между тѣмъ просыпается сознаніе его отвѣтственности и вины передъ нею, и оно охватываетъ его съ такою силой, что онъ рѣшается посвятить свою жизнь пробужденію этой умершей души. И въ то время, какъ онъ доходитъ до этого рѣшенія и начинаетъ проводить его на дѣлѣ, пробуждается и выростаетъ его собственная душа.

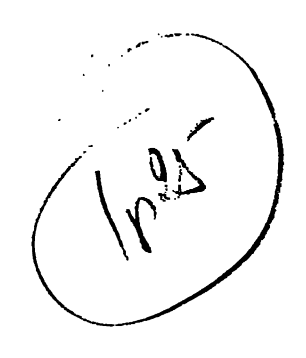
Многіе изъ послѣднихъ трудовъ Толстого

носятъ характеръ трактатовъ, написанныхъ для того, чтобы внушить простымъ людямъ сознаніе той или другой истины. Къ числу такихъ вещей относится, напримѣръ, небольшой разсказъ: „Много-ли нужно человѣку земли?“ Человѣкъ, о которомъ идетъ тутъ рѣчь, получилъ разрѣшеніе завладѣть всѣмъ тѣмъ количествомъ земли, какое онъ успѣетъ обойти кругомъ за цѣлый день—отъ восхода солнца до заката его. Выйдя поутру, человѣкъ сообразилъ приблизительно, какой кругъ онъ можетъ легко сдѣлать въ теченіе предоставленнаго ему времени. Но скоро выступаетъ у него новое соображеніе: стоитъ ему пойти немного быстрѣе —и онъ сдѣлаетъ большій кругъ. Не можетъ-ли онъ пойти такимъ образомъ, чтобы захватить въ свой кругъ вотъ тотъ хорошенькій кусочекъ земли, и вотъ этотъ? Со всякимъ шагомъ впередъ разростаются его желанія; и предъ нашими глазами какъ бы развертывается вся эта картина постепеннаго роста желаній, усилій человѣка ускорить свои шаги и его лихорадочное напряженіе поспѣть во время къ назначенной цѣли. Къ закату солнца цѣль достигнута человѣкомъ, но, дошедши до нея, онъ падаетъ мертвымъ...

„Подбѣжалъ работникъ Пахомовъ, хотѣлъ поднять его, а у него изо рта кровь течетъ и онъ мертвый лежитъ.

Поднялъ работникъ скребку, выкопалъ Пахому могилу, ровно—насколько онъ отъ ногъ до головы захватилъ—три аршина, и закопалъ его“...

Въ этой картинѣ, набросанной рукой Толстого, какъ бы запечатлѣлся весь трагизмъ девятнадцатаго вѣка съ его неустанной погоней за „большимъ.“

СКЛАДЪ ИЗДАНІЯ
въ книгоиздательствѣ М. С. Козмана въ Одессѣ.

